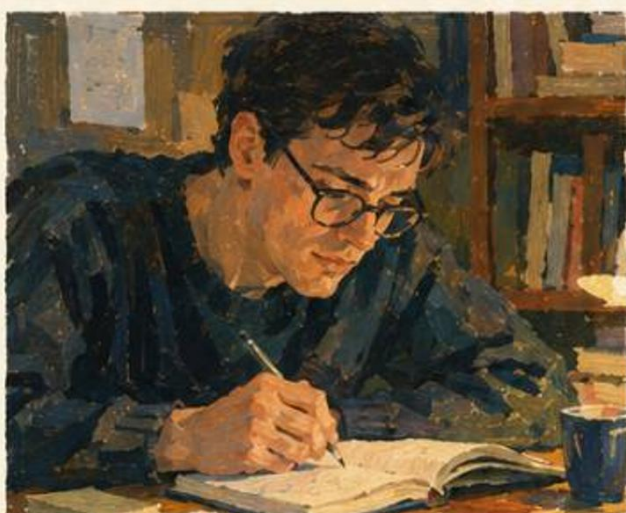

Фотоателье ненаступивших дней

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Не умирай пока не прочитаешь эти книги

Алексей Корнелюк

Фотоателье ненаступивших дней

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Фотоателье ненаступивших дней / А. Корнелюк — «Автор»,
2026 — (Не умирай пока не прочитаешь эти книги)

Тридцатипятилетний Илья каждый день фотографирует людей на документы и знает: для паспорта нужно правильное лицо, нейтральный фон и никаких лишних эмоций. Его собственная жизнь устроена так же. Однажды за серой фотопанелью он обнаруживает старое ателье. Камера внутри печатает не настоящее, а жизнь, в которой исполнилось главное желание человека. На снимке Илья — известный писатель, рядом женщина, которую он потерял десять лет назад, а отец всё ещё жив. Достаточно положить фотографию под подушку — и утром проснёшься внутри неё. Но каждый день в идеальной жизни стирает одно настоящее воспоминание. Когда в ателье приходит Вера и получает снимок, где она счастлива без мужа и детей, они начинают искать границу между мечтой и бегством. Скоро Илья понимает: камера не показывает возможное будущее. Она строит красивую, послушную и мёртвую реальность из того, что человек готов забыть. Чтобы вернуть свою жизнь, ему придётся уничтожить лучшую её версию.

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Корнелюк

Фотоателье ненаступивших дней

Фотоателье ненаступивших дней

Люди ненавидели свои фотографии на паспорт сильнее, чем некоторые родственники. Родственника можно не приглашать на день рождения, заблокировать, переждать. Паспорт приходилось носить с собой десять лет. В нём человек оставался с приплюснутыми ушами, тяжёлыми веками и тем выражением, которое возникало на лице, когда незнакомый мужчина за камерой говорил: подбородок чуть ниже, рот закройте, прямо смотрим.

— Я так ужасно выгляжу?

Женщине было лет сорок пять. Или пятьдесят два. Возраст у неё начинался возле глаз, спускался к шее и там почему-то прекращался, потому что ниже всё было обтянуто белой водолазкой с таким усердием, будто водолазку натягивали двое.

Илья развернул монитор.

— Выглядите нормально.

— Это не нормально.

Она ткнула пальцем в экран. Ноготь у неё был длинный, бледно-розовый и острый. Таким удобно вскрывать письма и чужое достоинство.

— Вот здесь уберите.

— Что именно?

— Вот это.

Она обвела пальцем всё лицо.

Илья посмотрел на неё, потом на фотографию. Камера, надо отдать ей должное, почти не соврала. Под глазами лежали тени, нос слегка ушёл вправо, губы были сжаты. В жизни женщина держала их точно так же, только разговаривала.

— Я могу немного выровнять цвет кожи, — сказал Илья. — Убрать блеск. Но черты лица менять нельзя.

— А морщины?

— Немного смягчить.

— Смягчите все.

— Все нельзя.

— Почему?

Этот вопрос ему задавали по двадцать раз в день. Почему нельзя убрать второй подбородок, уменьшить нос, расширить глаза, поднять волосы, стереть родинку, добавить родинку, сделать лицо уже, моложе, свежее, добрее, но чтобы пограничник узнал. Люди хотели официального подтверждения, что государство согласно с их представлением о себе.

— Потому что фотография должна соответствовать внешности.

Женщина посмотрела на Илью так, словно внешность была чужой ошибкой, а он отказывался её исправлять.

— Сделайте ещё раз.

— Хорошо.

Он нажал кнопку на пульте, поправил высоту стула и жестом показал ей сесть ровнее. За спиной женщины висел серый фон. Нейтральный, матовый, без пятен и складок. Илья завидовал ему. Серый фон никому ничего не обещал, поэтому к нему не было претензий.

— Плечи опустите.

— Они опущены.

— Тогда не поднимайте их сильнее.

Женщина опустила плечи на три миллиметра и сразу стала выглядеть так, будто её приговорили к чему-то неприятному, но не неожиданному.

— Голову чуть вправо.

Она повернула голову слишком сильно.

— Не так. Совсем немного.

— Вы же сказали вправо.

— Вернитесь. Ещё. Ещё чуть-чуть. Стоп.

Илья посмотрел в видоискатель. Лицо заняло нужную площадь. Макушка не обрезана. Расстояние от подбородка до нижнего края допустимое. Глаза на одной линии, хотя левый всё равно сидел чуть ниже правого. Это уже была не его проблема. Есть вещи, которые не выровняешь даже в официальном документе.

— Не улыбайтесь.

— Я и не улыбаюсь.

— Отлично.

Вспышка хлопнула. Женщина моргнула.

— Я моргнула.

— Да.

— Почему вы тогда сфотографировали?

Илья сделал ещё один кадр.

В центре изготовления документов «Точный кадр» стояли четыре рабочих стола, три принтера, один терминал для оплаты и пластиковая пальма, которую начальница Тамара Викторовна купила после отпуска в Турции. Пальма собирала пыль, не требовала зарплаты и потому считалась лучшим сотрудником. На стеклянной двери белыми буквами было написано: ФОТО НА ДОКУМЕНТЫ. КСЕРОКОПИЯ. ПЕЧАТЬ. ЛАМИНИРОВАНИЕ. СКАНИРОВАНИЕ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ФОТОГРАФИЙ. Ниже кто-то ногтем соскоблил две буквы из слова «ламинирование», и теперь услуга выглядела незаконной.

Центр находился на первом этаже старого административного здания между аптекой и мастерской по ремонту телефонов. Из аптеки пахло картоном и чистотой. Из мастерской — нагретой пылью. В «Точном кадре» пахло бумагой, пластиком, человеческими куртками и кофе, который Илья заваривал утром, забывал выпить и обнаруживал вечером с серой плёнкой на поверхности.

За стеклом сидели двое. Молодой парень в форме курьера листал телефон, поставив между коленями квадратный рюкзак. Рядом пожилая женщина держала прозрачную папку с документами обеими руками, как будто в ней лежало её сердце и его могли потребовать для копии.

— Готово через десять минут, — сказал Илья женщине в белой водолазке.

— Я посмотрю сначала.

— Посмотрите.

Он открыл два кадра рядом. На первом она моргнула. На втором смотрела прямо в объектив с холодной неприязнью.

— Здесь я злая.

— Вы не злая. Вы серьёзная.

— Я не такая серьёзная.

Илья не ответил. За одиннадцать лет работы он понял, что человек никогда не знает, какой у него вид, когда он молчит. Большинство считало себя задумчивыми. На фотографии выяснялось, что они усталые, испуганные, раздражённые или просто хотят в туалет.

— Можно чуть-чуть улыбнуться? — спросила женщина.

— На российский паспорт выражение должно быть нейтральным.

— У меня нейтральное лицо добрее.

— Покажите.

Она вытянула губы, расширила глаза и слегка приподняла подбородок. Получилось лицо женщины, которая увидела знакомого, но не помнила, сколько денег он ей должен.

Илья сделал третий кадр.

— Вот.

— Здесь лучше.

— Хорошо.

— Только шею подправьте.

— Шею нельзя.

— Почему шею нельзя? Шея же не лицо.

У Ильи зазвонил телефон. На экране было написано «Лена». Он перевернул аппарат экраном вниз.

— Потому что она ваша, — сказал он.

Женщина замолчала. На секунду Илья подумал, что произнёс это грубее, чем собирался. Потом решил, что собирался именно так.

Она расплатилась картой, забрала чек и села ждать. Илья перенёс снимок в программу, выставил размер, чуть убрал красноту возле носа и ослабил тени под глазами. Морщины трогать не стал. Тамара Викторовна говорила, что клиент всегда прав, пока не просит сделать уговорно наказуемое, бесплатно или после закрытия. Илья придерживался другой системы: клиент был прав до тех пор, пока не садился на стул.

Телефон снова завибрировал.

Лена.

Он видел её последний раз на похоронах отца. Она пришла раньше него, стояла возле входа в крематорий и держала бумажный стаканчик с кофе. На ней было серое пальто, которое Илья помнил ещё по их совместной жизни. Пальто пережило их отношения, двух президентов, пандемию и несколько периодов, когда Лена резко меняла себя. Сначала йога. Потом психотерапия. Потом бег. Пальто не менялось.

Она обняла его, и он почувствовал запах её шампуня. Дешёвого, яблочного, такого же, как десять лет назад. Илья тогда подумал не об отце, лежавшем в соседнем помещении, а о том, что Лена всё ещё моет волосы этой дрянью. Потом ему стало стыдно. Не сразу. Уже дома, когда он ел холодные пельмени над раковиной.

Три недели после похорон люди звонили ему чаще, чем за предыдущие три года. Сначала спрашивали, как он держится. Потом — разобрал ли вещи. Потом — что будет с квартирой. Затем звонки стали деловыми, будто смерть отца была ремонтом, который затянулся и мешал соседям.

Лена звонила насчёт ключей. Или документов. Или коробки с книгами, которую отец когда-то забрал у неё, когда Илья съезжал. Она говорила об этом на похоронах, но он почти не слушал. Ему тогда хотелось курить, хотя он бросил восемь лет назад, и ударить двоюродного брата Мишу, который сказал возле гроба:

— По крайней мере, не мучился долго.

Как будто отец выиграл скидку на смерть.

— Илья Алексеевич.

Он поднял голову.

Тамара Викторовна стояла в дверях подсобки. Невысокая, плотная, с короткими волосами цвета варёной моркови. Она красила их сама и считала, что получается медный оттенок. Медный оттенок получался у старых труб. У Тамары Викторовны выходило предупреждение.

— У вас очередь.

— Я вижу.

— Если видите, почему человек сидит?

Курьер поднял глаза от телефона и быстро опустил обратно.

— Потому что ждёт.

— Не умничайте с утра.

— Уже половина третьего.

— Тем более.

Тамара Викторовна подошла к его столу и посмотрела на экран.

— Чего так долго?

— Клиентка просит оставить от неё только сходство.

— Клиентка всё слышит.

Женщина в белой водолазке сидела в трёх метрах и делала вид, что читает объявление о защите персональных данных.

— Я ничего не говорил, — сказал Илья.

— У вас лицо говорит.

— Для документов подходит?

Тамара Викторовна поджала губы.

Она работала в центре шестнадцать лет и знала о нём всё, кроме того, как пользоваться сканером без крика. По её убеждению, любая техника начинала уважать человека, если несколько раз ударить ладонью по корпусу. Принтер действительно иногда после этого оживал, что укрепляло её мировоззрение.

— В пятницу проверка, — сказала она. — Я повторяю последний раз.

Она повторяла это четвёртый день.

— Все согласия должны лежать по датам. Чеки подколоть. В базе никаких пустых полей. Коля опять сохраняет файлы как «мужик один», «баба синяя кофта» и «ребёнок орёт». Если это увидят, платить будем из зарплаты.

— У Коли нет зарплаты, из которой можно заплатить.

— Есть. Маленькая, но есть.

Из подсобки донёсся грохот. Затем голос Коли:

— Всё нормально!

— Вот именно поэтому я и переживаю, — сказала Тамара Викторовна.

Она ушла проверять, что именно нормально. Илья отправил фотографии на печать. Принтер втянул лист, задумался, зашуршал. Внутри что-то щёлкнуло. Он всегда представлял, что там сидит маленький злой человек и решает, кому сегодня испортить заказ.

Фотографии вышли тёплыми и влажноватыми. Илья разрезал их на резаке, проверил размер линейкой и вложил в бумажный конверт.

— Пожалуйста.

Женщина подошла, достала одну фотографию и долго смотрела на неё.

— Всё равно я здесь какая-то несчастная.

— Фотография не показывает счастье.

— А что она показывает?

— Что вы были здесь в четырнадцать тридцать семь.

Она посмотрела на него ещё секунду, будто собиралась пожаловаться начальству, государству или Богу. Потом убрала конверт в сумку.

— Вам бы с людьми помягче.

— Я стараюсь.

— Не заметно.

— Значит, натурально получилось.

Дверь хлопнула. Курьер подошёл к стулу.

— Мне на визу.

— Какая страна?

— Китай.

— Размер знаете?

— Мне сказали три на четыре.

- Для китайской визы другой формат.
- А мне сказали три на четыре.
- Кто сказал?
- В агентстве.
- Тогда пусть агентство вас фотографирует.

Парень посмотрел на Илью с уважением человека, увидевшего, что чужая работа тоже может быть бессмысленной.

Илья открыл требования на экране. Размер фотографии, светлый фон, положение головы, видимость ушей, отсутствие очков. Он знал большую часть параметров наизусть, но после случая с канадской визой перестал полагаться на память. Тогда клиент вернулся через неделю, бросил на стол отказ и сказал, что Илья разрушил ему будущее. Будущее клиента стоило четыреста рублей и было переснято бесплатно.

- Куртку снимите.
- Зачем?
- Чтобы воротник не закрывал шею.
- Я без футболки.
- Почему?
- Жарко было.
- На улице плюс семь.
- В машине жарко.

Илья посмотрел на него.

- Тогда застегните куртку ниже.

Курьер снял рюкзак, сел и дёрнул молнию. Под курткой действительно ничего не было, кроме тонкой цепочки и волос на груди. Илья видел за день больше чужих шеек, ушей и подбородков, чем некоторые врачи. Отдельные части человека при этом казались приличнее целого.

- Волосы со лба уберите.
- Они всегда так лежат.
- На фотографии брови должны быть видны.

Парень провёл ладонью по голове. Волосы поднялись, потом упали обратно.

- Не держатся.

Илья протянул ему одноразовую расчёску.

- В туалете есть вода.
- А гель?
- Нет.
- Лак?
- Это фотоцентр.
- Мало ли.

Пока курьер пытался победить волосы, вошла мать с девочкой лет пяти. Девочка сразу увидела пластиковую пальму и начала отрывать от неё лист.

- Не трогай, — сказала мать, не глядя.

Девочка продолжила.

- Алина, я сказала.

Алина оторвала лист и спрятала за спину.

- Она сломала пальму, — сказал Илья.

Мать посмотрела на него с усталой ненавистью.

- Это ребёнок.
- Пальма тоже не настоящая.
- Вы хотите, чтобы я заплатила?
- Нет. Я хочу понять, зачем она это сделала.

Девочка высунулась из-за матери.

— Она страшная.

— Справедливо, — сказал Илья.

Мать засмеялась, хотя не собиралась. На секунду её лицо стало нормальным. Не красивым, не правильным — просто живым. Илья успел подумать, что именно в этот момент и стоило бы её фотографировать. Потом лицо снова закрылось.

В пятнадцать двадцать пришёл мужчина с разбитой губой и попросил фотографию на водительское удостоверение. В пятнадцать сорок пожилая пара принесла снимок умершего сына, чтобы убрать с заднего плана чужую руку. В шестнадцать десять женщина в форме железнодорожницы сканировала диплом, выданный в девяносто восьмом, и всё время повторяла, чтобы Илья не потерял оригинал, хотя диплом лежал у неё перед глазами.

К пяти часам он начал чувствовать собственное лицо. Оно затекло от одинакового выражения. Вежливость, если держать её слишком долго, тоже становилась мышечной судорогой.

Лена больше не звонила. Написала сообщение:

«Надо решить по квартире. И коробки твои у меня. Не исчезай, пожалуйста».

Он прочитал и не ответил.

Фраза «не исчезай» показалась ему наглой. Он никуда не исчезал. Каждый день приходил к десяти, включал свет, протирал объектив, проверял остатки бумаги, фотографировал чужие лица, вечером покупал еду, которую можно разогреть в одной тарелке. По субботам ехал в квартиру отца, открывал окна, хотя на улице было холодно, и стоял посреди комнаты, не понимая, с чего начинают разбирать жизнь умершего человека. Потом закрывал окна и уезжал.

Исчезают иначе. Эффектно. Оставляют письмо, пустую квартиру, долги, женщину с вопросами. Илья просто старался не занимать много места.

На жёстком диске ноутбука лежал роман, начатый семь лет назад. Файл назывался «Новый роман окончательный 4». До него существовали «Новый роман», «Новый роман 2», «Новый роман точно» и «Новый роман точно новый». Во всех было тридцать восемь страниц. Иногда менялось имя героя. В первой версии его звали Андрей, во второй Кирилл, в четвёртой Илья решил не выпендриваться и назвал Максимом.

Отец однажды спросил:

— Ты его вообще закончишь?

— Закончу.

— Когда?

— Когда будет готов.

— У тебя холодильник десять лет гудит и всё ещё не готов сломаться.

Отец смеялся после этой фразы. Кажется, смеялся. Илья помнил, как у него поднимались плечи, как он запрокидывал голову, но сам звук всплывал плохо. Это раздражало. Три недели назад он ещё был уверен, что может восстановить голос отца до каждой хрипотцы. Теперь память уже экономила на деталях.

Он открыл галерею телефона и нашёл последнюю фотографию. Отец сидел на кухне в майке, держал кружку и смотрел в сторону. Снимок был сделан случайно, когда Илья проверял камеру после обновления. Фокус ушёл на сахарницу. Отец получился мягким, почти прозрачным, а сахарница — чёткой, белой, бессмертной.

Илья приблизил лицо двумя пальцами. Изображение распалось на квадраты.

— Илья Алексеевич, вы работаете или наследство делите?

Тамара Викторовна стояла возле его стола с папкой.

— Работаю.

— Тогда примите женщину.

Возле входа ждала старуха. Не пожилая женщина, не дама в возрасте, а именно старуха — маленькая, сухая, в коричневом пальто и фиолетовом платке. Она держала в руках старый паспорт с протёртой обложкой.

— Мне менять, — сказала она.

— Садитесь.

Она медленно сняла пальто, аккуратно сложила его на соседнем стуле и осталась в сером шерстяном жакете. На груди была маленькая брошь в виде птицы. Илья опустил стул почти до конца, но старуха всё равно не доставала ногами до пола.

— Очки нужно снять.

— Я без них ничего не вижу.

— Смотреть надо прямо в объектив. Видеть там нечего.

Она сняла очки. Глаза сразу стали меньше и беззащитнее. Илья поправил лампу.

— Голову прямо.

— Так?

— Чуть левее.

— Куда левее?

— В мою сторону.

Старуха повернула голову к нему.

— Нет, глазами на камеру.

— Я же говорю, не вижу.

— Смотрите примерно сюда.

Он поднял руку возле объектива.

— Рот закрыть?

— Да.

Она закрыла рот и втянула щёки.

— Не напрягайтесь.

— Я не напрягаюсь.

— Тогда просто дышите.

— А когда фотографировать будете?

— Сейчас.

Вспышка осветила её лицо. Старуха вздрогнула.

Илья сделал второй кадр. На мониторе появилось маленькое лицо с тонкими губами, белыми бровями и тяжёлыми складками возле рта. Лицо человека, которого жизнь долго складывала, убирала в карман, снова доставала и разглаживала ладонью.

— Подойдите, посмотрите.

Старуха надела очки, слезла со стула и приблизилась к экрану. Смотрела долго. Дольше обычного. Не спрашивала про морщины, подбородок, цвет кожи. Просто смотрела.

— Это не я, — сказала она.

Илья устал. У него болела поясница, во рту стоял вкус холодного кофе, телефон снова завибрировал от сообщения Лены. Принтер моргал красным огоньком, требуя заменить картридж. Из подсобки Коля ругался с коробкой бумаги. Тамара Викторовна кому-то объясняла, что срочно — это в течение часа, а не пока человек стоит над душой.

— К сожалению, вы, — сказал Илья.

Старуха не обиделась.

Она посмотрела на фотографию ещё раз, потом на него.

— Нет, молодой человек. Я не в том смысле.

— А в каком?

Она сняла очки и протёрла их краем жакета.

— Я внутри себя совсем другая.

Илья хотел ответить, что все внутри себя другие. Красивее, моложе, смелее. Внутри себя люди пишут книги, уходят от нелюбимых, не боятся звонков, вовремя приезжают к отцам в больницу и всегда находят правильные слова возле гроба. Потом садятся перед камерой, и от всего этого остаются только уши, глаза, нос, подбородок и нейтральный фон.

Но он ничего не сказал.

Старуха снова надела очки.

— Печатайте, — попросила она. — Какая есть.

Илья отправил снимок на принтер. За его спиной серый фон едва заметно качнулся, хотя окна были закрыты и никто к нему не прикасался. Он обернулся.

Фон уже висел неподвижно.

Только в нижнем углу, возле самого пола, проступило тёмное влажное пятно. Оно медленно расплзлось по ткани, как изображение на старой фотобумаге.

Глава 2. За серым фоном

Пятно росло медленно и нагло. Оно не текло, не капало, не давало себя поймать за работой. Просто в шесть вечера занимало угол размером с ладонь, а к закрытию добралось до колена старухи, оставшейся на экране рабочего компьютера.

Илья печатал её фотографии, пока за спиной темнела ткань. Старуха сидела на пластиковом стуле, сложив пальто на коленях, и рассматривала рекламную стойку с образцами. На стойке улыбались люди, которых в «Точном кадре» никогда не фотографировали: мужчина с правильной челюстью, девушка без пор на лице, ребёнок с таким чистым взглядом, будто ему ещё не показывали телефон.

Принтер выплюнул лист. Илья подождал несколько секунд, чтобы краска схватилась, положил фотографию под резак и нажал на тяжёлую рукоять. Лезвие опустилось с сытым металлическим звуком.

— Четыре штуки, — сказал он.

Старуха надела очки, взяла снимки и стала перебирать их, хотя все четыре были одинаковыми.

— Здесь я тоже не я.

— Они из одного кадра.

— Я вижу.

Она выбрала фотографию, где левый край был срезан на полмиллиметра уже, чем остальные, и убрала в паспорт.

— Эту возьму.

— Остальные тоже ваши.

— Пусть полежат.

Она расплатилась мелочью. Монеты выкладывала на стойку по одной: десять рублей, ещё десять, пять, два, два, один. Не от бедности — скорее из упрямства человека, который не доверяет ни картам, ни кассирам, ни миру, способному однажды объявить его лицо недействительным.

У двери старуха остановилась.

— А вы давно людей снимаете?

— Одиннадцать лет.

— И не надоело?

— Уже поздно спрашивать.

Она кивнула, будто поняла больше, чем он сказал, и ушла. Колокольчик над дверью звякнул, хотя никакого колокольчика там не было. Просто разболтался доводчик и при каждом открывании бил металлическим язычком о раму.

Илья обернулся к фону.

Пятно поднялось ещё сантиметров на десять. Теперь оно было похоже на тень человека, который сидел с другой стороны ткани и медленно вставал.

— Тамара Викторовна.

Начальница не ответила. Она считала кассу в подсобке и разговаривала сама с собой: двести, четыреста, господи, опять не сходится, шестьсот, кто принял наличные без чека, восемьсот.

— Тамара Викторовна.

— Если вы опять про картридж, он заказан.

— У нас стена течёт.

— Стена не может течь.

— Тогда течёт воздух рядом с ней.

Тамара Викторовна вышла с пачкой купюр в одной руке и калькулятором в другой. На лбу у неё отпечаталась красная полоска от очков.

— Где?

Илья показал.

Она подошла к фону, потрогала мокрый край двумя пальцами, растёрла влагу. Понюхала. Тамара Викторовна нюхала всё подозрительное: воду из кулера, новые картриджи, чеки, которые выпцветали слишком быстро. Однажды понюхала клиента, когда тот утверждал, что не пил.

— Труба, — сказала она.

— Смелое заключение.

— А вы что думаете? Мертвец заплакал?

— Здесь нет труб.

— Везде есть трубы.

Она задрала голову. Потолок над фоном был сухим. На стене выше пятна не было ни разводов, ни трещин. Вода появлялась снизу, как будто здание начинало тонуть с первого этажа.

Коля вылез из подсобки с коробкой бумаги. Ему было двадцать три, но выглядел он на любой возраст от шестнадцати до тридцати пяти в зависимости от того, выпался ли. Сегодня не выпался. Волосы торчали в разные стороны, на футболке было написано «НЕ СЕГОДНЯ», и Тамара Викторовна каждый раз воспринимала надпись лично.

— Что случилось?

— Потоп, — сказал Илья.

Коля поставил коробку на пол.

— Сверху?

— Снизу.

— Так не бывает.

— Спасибо. Теперь воды станет стыдно.

Тамара Викторовна дёрнула фон за край. Ткань была натянута на широкой металлической конструкции, которую десять лет назад собрали прямо в помещении. Два вертикальных профиля крепились к стене, между ними уходил вверх рулон. Спереди стоял стул, лампы и камера на штативе. За конструкцию никто не заглядывал. Там скапливались пыль, потерянные заколки и прошлое предприятия.

— Надо отодвинуть, — сказала она.

— Она прикручена.

— Открутить.

— Сейчас семь часов.

— В пятницу проверка.

Фраза работала у неё как универсальный ключ. Проверка объясняла, почему надо вымыть пластиковую пальму, переписать журнал огнетушителей, найти договор на вывоз мусора и снять со стены календарь с голой женщиной, который Коля повесил в подсобке якобы в эстетических целях.

— Завтра сантехника вызовем, — сказал Илья.

— Завтра вода дойдёт до розетки. Потом комиссия найдёт обгоревшие трупы, и на телевидении скажут, что руководство не обеспечило безопасность.

— Руководство обеспечило дешёвый удлинитель.

— Не язвите. Коля, инструменты.

— Какие?

— Нормальные.

Коля принёс из подсобки пакет, в котором лежали молоток, две отвёртки, плоскогубцы, рулетка, канцелярский нож и ключ от велосипеда. Молоток был с треснувшей ручкой. Одну отвёртку кто-то использовал как зубило, и её конец расплющился. Инструменты в центре суще-

ствовали по тому же принципу, что и аптечка: никто не знал, откуда они взялись, но выбросить боялись.

Илья отключил лампы, выдернул вилки из удлинителя и снял камеру со штатива. Камера была хорошая, японская, купленная ещё до того, как Тамара Викторовна решила экономить на всём, кроме собственных волос. Илья поставил её на рабочий стол и накрыл чистым полотенцем.

— Осторожнее с фоном, — сказал он. — Если перекосим вал, новый не купят.

— Купим, — ответила Тамара Викторовна.

— Мы полгода просим новый степлер.

— Степлер работает.

— Если бить им по столу.

— Значит, работает.

Коля залез за конструкцию, подсвечивая телефоном. Сначала были видны только его ноги и надпись на спине футболки: «И ЗАВТРА ТОЖЕ». Потом он чихнул.

— Тут пыли как в гробнице.

— Не дыши, — посоветовала Тамара Викторовна.

— Надолго?

— Пока не закончишь.

Он нашёл крепёж. Болты заржавели и не поддавались. Илья держал конструкцию, Коля крутил плоскогубцами, Тамара Викторовна руководила из безопасного места.

— Против часовой.

— Я знаю.

— Не похоже.

— Он проворачивается.

— Прижми сильнее.

— Я прижал.

— Сильнее, чем сильнее.

— Тамара Викторовна, — сказал Илья, — вы можете либо помочь, либо продолжать быть начальником.

Она посмотрела на него.

— Я и помогаю.

Первый болт сорвался внезапно. Коля ударился локтем о стену и выругался. Тамара Викторовна сказала, что в рабочем помещении такие слова недопустимы, хотя сама употребляла их, когда программа налоговой не принимала пароль.

Второй болт пришлось срезать. Канцелярский нож не помог, молоток тоже. Коля сбегал в мастерскую по ремонту телефонов и вернулся с маленькой ножовкой. Мастер Арсен шёл следом. Он был худой, с бородой и руками человека, который всю жизнь разбирает вещи, купленные дороже его месячной зарплаты.

— Что ломаем? — спросил он.

— Стену, — сказал Коля.

— Труба, — сказала Тамара Викторовна.

Арсен посмотрел на пятно.

— Не труба.

— Почему?

— Здесь труба не идёт.

— Откуда вы знаете?

— Я этот дом знаю.

— Вы телефоны чините.

— А дом телефоны держит.

Тамара Викторовна не стала спорить, потому что ей нужен был человек с ножовкой.

Вчетвером они сняли правый профиль. За ним обнаружилась узкая полоса стены, покрытая серой плесенью. Илья ожидал запаха сырости, но пахло иначе — старой фотобумагой, пылью и чем-то металлическим. Так пахли монеты, если долго держать их в ладони.

— Маски надо, — сказал Арсен. — Грибок.

— Какой ещё грибок? — спросила Тамара Викторовна.

— Плесень.

— Я вижу, что плесень. Грибок какой?

Арсен пожал плечами.

— Злой.

Они открутили левый профиль и потянули всю конструкцию на себя. Металл скребнул по полу. Рулон качнулся, серое полотно провисло и накрыло Колю с головой.

— Держите! — крикнул он из ткани.

— Что держать? — спросила Тамара Викторовна.

— Меня хотя бы.

Илья поймал стойку. Арсен подхватил вал. Вместе они оттащили фон почти на метр от стены.

За ним не оказалось трубы.

Там была дверь.

Сначала Илья увидел вертикальную щель, потом ручку. Дверь была узкая, деревянная, покрашенная той же серой краской, что и стена. Её не просто закрыли фоном — её замазали по краям, превратили в часть поверхности, а сверху закрепили металлические профили. Нижняя половина потемнела от влаги. Пятно на ткани совпадало с дверью точно, будто сырость прошла сквозь дерево и оставила отпечаток.

Все замолчали.

Молчание длилось недолго. Тамара Викторовна не любила вещей, которых не было в её документах.

— Что это?

— Дверь, — сказал Коля.

— Я вижу.

— Вы спрашивали.

Она обернулась к Илье.

— Вы знали?

— Конечно. Одиннадцать лет прятал здесь запасной выход.

— На плане никакой двери нет.

— А план у вас с какого года?

— Нормальный план.

Она ушла в подсобку и вернулась с синей папкой. В папке хранились договор аренды, технический паспорт помещения, акты, копии лицензий и листок с телефоном электрика, который умер шесть лет назад, но Тамара Викторовна продолжала ему звонить при каждой аварии.

Она разложила план на стойке.

Помещение центра представляло собой вытянутый прямоугольник. Вход со стороны улицы, общий зал, подсобка, туалет. Стена за серым фоном была обозначена толстой чёрной линией. За ней шла лестничная клетка соседнего подъезда.

— Тут стена, — сказала Тамара Викторовна.

Коля постучал костяшками по двери. Звук был глухой, но за ним существовала пустота.

— Не очень.

Арсен подсветил края.

— Старая дверь. До ремонта была.

— Куда?

— Туда.

— Очень полезно.

Он взял план, повернул боком, потом вверх ногами.

— Если лестница здесь, то дверь должна выходить под неё.

— Там нет помещения.

— Значит, есть.

— Не бывает помещения, которого нет.

Илья посмотрел на неё.

— Сегодня у нас день открытий.

Тамара Викторовна провела пальцем по замазанному косяку. Краска осыпалась. Под серым слоем показалась тёмно-зелёная эмаль.

— Это самовольная перепланировка, — сказала она. — За такое штраф.

— Мы её не делали.

— Докажите.

— Дверь старше нас всех.

— Комиссии всё равно. Они увидят — напишут.

Её мысли двигались быстро и всегда в сторону наказания. Не любопытство, не страх, не вопрос, кто и зачем замуровал дверь. Сначала штраф, акт, ответственность, бумага. Государство воспитало в Тамаре Викторовне хорошего гражданина: при виде тайны она искала не разгадку, а виновного.

Коля попробовал ручку. Та не повернулась.

— Закрыто.

— Не трогай, — сказала она.

Он снова дёрнул.

— Я сказала не трогай.

— Уже потрогал.

— Тогда перестань.

Арсен присел, рассматривая замок. Замочная скважина была старой, вытянутой, под большой бородчатый ключ.

— Можно открыть.

— Не надо, — сказала Тамара Викторовна слишком быстро.

Все посмотрели на неё.

— Почему?

— Потому что чужое помещение.

— Оно внутри нашего, — сказал Илья.

— За нашей стеной.

— Перед лестницей.

— Не умничайте географически.

Она закрыла папку и прижала к груди.

— Сейчас ставим фон обратно. Завтра звоню собственнику здания. Пусть приходит с техником, составляет акт и объясняет, что это.

— А вода? — спросил Илья.

Тамара Викторовна посмотрела на мокрую дверь.

— Высохнет.

— Она уже одиннадцать лет сохнет.

— До пятницы высохнет.

— А если там трубу прорвало?

— Арсен сказал, не труба.

Арсен поднял обе руки, не желая участвовать.

— Я сказал, здесь труба не идёт. Что там — не знаю.

Из-за двери донёлся тихий звук.

Не стук. Не шаг. Скорее щелчок старого выключателя.

Коля отступил.

— Там кто-то есть.

— Мышь, — сказала Тамара Викторовна.

— Мыши свет включают?

— Ты видел свет?

— Нет.

— Значит, не включают.

Они прислушались. За дверью было тихо. С улицы доносились машины, в аптеке звякала касса, где-то наверху ребёнок бросил на пол тяжёлую игрушку. Обычное здание продолжало жить вокруг двери, не замечая, что в его плане появилась ошибка.

Илья подошёл ближе. От мокрого дерева шёл холод. Не сквозняк — именно холод, как от холодильника, который открыли и забыли закрыть.

Он приложил ладонь к двери.

С той стороны что-то коротко зажужжало.

Так работал старый мотор протяжки фотоплёнки.

Илья отдёргнул руку.

— Слышали?

Арсен кивнул. Коля тоже. Тамара Викторовна сделала лицо человека, который ничего не слышал из административных сообщений.

— Закрываем, — сказала она.

— Там может быть оборудование.

— Чьё?

— Вот и узнаем.

— Завтра.

— Почему завтра?

— Потому что рабочий день закончен.

Тамара Викторовна верила в расписание сильнее, чем в загробную жизнь. Если бы покойник явился в семь вечера, она попросила бы его прийти после десяти и взять талон.

Они стали возвращать конструкцию на место. Фон не вставал ровно. Один профиль выгнулся, крепление сорвалось, рулон перекосило. Серое полотно теперь висело складкой, и фотографировать на нём было нельзя.

— Прекрасно, — сказала Тамара Викторовна. — Просто прекрасно.

— Зато дверь снова спрячем, — сказал Коля.

— Ты завтра придёшь в девять и всё исправишь.

— Я работаю с десяти.

— Завтра с девяти.

— А уйду?

— Когда исправишь.

Арсен забрал ножовку и ушёл в мастерскую, не прощаясь. Люди, которых втягивали в чужие проблемы бесплатно, имели право на это.

Тамара Викторовна закрыла кассу, проверила окна и трижды подёрнула входную дверь. Потом сняла ключи с пояса и заперла подсобку, хотя брать там было нечего, кроме бумаги, дешёвого кофе и календаря.

— Илья Алексеевич, вы последний?

— Допечатаю заказ.

— Пять минут.

— Десять.

— Семь.

— Хорошо.

Она надела пальто.

— К двери не подходить.

— Почему вы думаете, что я подойду?

— Потому что вы делаете вид, будто вам всё безразлично. Такие всегда лезут первыми.

Илья посмотрел на неё.

— А вы?

— Мне не безразлично. У меня проверка.

Коля ушёл вместе с Тамарой Викторовной. За стеклом мелькнули их фигуры: она маленькая и плотная, он длинный, согнувшийся над телефоном. Они разошлись в разные стороны.

Центр опустел.

Илья выключил наружную вывеску. Белые буквы погасли, и стекло превратилось в зеркало. В нём отражались столы, лампы, серый фон, сдвинутый от стены. Дверь была видна только частично — тёмная полоса между тканью и шкафом.

Он сел за компьютер. На экране оставалась фотография старухи. С закрытым ртом, без очков, на нейтральном фоне. Лицо, которое она не признала своим.

Телефон лежал рядом. От Лены пришло ещё одно сообщение:

«Я завтра буду у твоего отца в семь. Приезжай. Одной мне неловко разбирать его вещи».

Илья перечитал дважды. Его задело «у твоего отца». Не «в квартире», не «там». Будто отец всё ещё владел помещением и мог войти, увидеть Лену у шкафа, Илью с коробкой, спросить, почему они трогают его рубашки.

Он напечатал: «Не смогу».

Стер.

Напечатал: «Буду».

Стер тоже.

Позвонил принтер. Не буквально — издал короткий электронный писк, требуя убрать готовый лист. Илья достал фотографии, проверил. Мужчина с разбитой губой смотрел с четырёх маленьких прямоугольников одинаково виновато.

В семь двадцать Илья выключил компьютер.

В центре стало тише, чем должно быть. Обычно техника продолжала шуметь после работы: остывал ламинатор, щёлкал пластик, вентилятор компьютера крутился ещё несколько секунд. Теперь тишина была полной.

Потом за серым фоном снова сработал мотор.

Ж-ж-жик.

Пауза.

Щелчок.

Илья стоял возле стола и чувствовал, как воротник рубашки прилип к шее. Можно было уйти. Закрыть дверь, утром выслушать Тамару Викторовну, вызвать собственника. Пришёл бы мужчина в куртке с логотипом управляющей компании, постучал по стене, сказал, что объект старый и нужны документы. Через неделю дверь заложили бы пеноблоками. Через месяц перед ней снова фотографировали бы людей. Подбородок ниже. Рот закрыть. Смотрим прямо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.